

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.М. Орехов

Кафедра социальной философии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Автор обсуждает проблему становления социологии социальных наук. В центре внимания этого направления находятся такие проблемы, как власть, стратификация и интеллектуальная собственность в социальных науках. Большое значение для социологии социальных наук имеют проблемы гендера и этничности. «Сильная» социальная наука (в стране или регионе) — это наука, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства социально-научного знания в целом. «Слабая» социальная наука (в стране или регионе) — это наука, представители которой находятся на положении аутсайдера в производстве знания в социальных науках. Для России является весьма важной задачей трансформировать свою социальную науку из «слабой» в «сильную».

Ключевые слова: социология социальных наук, власть, стратификация и интеллектуальная собственность в социальных науках, проблемы гендера и этничности в социальных науках, «сильная» и «слабая» социальная наука, «эффект Матфея» в науке.

Социология социальных наук (sociology of social sciences) — новое и быстро развивающееся направление в современной социологии. Это направление ставит своей целью исследование социальных наук как специфического социального института, имеющего свои основания в самом обществе. С позиции социологии социальных наук подобные основания должны оказывать глубокое влияние на формирование и структуру социальных наук в целом, причем во всех аспектах: политическом, экономическом, гендерном, культурологическом и т.п. С другой стороны, здесь имеется и обратная связь: социальные науки сами оказывают влияние на институты общества, изменяя их в каком-либо направлении (например, марксистская социальная наука систематически претворяла в жизнь этот принцип в Советской России). Именно это взаимодействие общества и социальных наук находится в центре внимания социологии социальных наук; она сосредотачивает свое внимание на изменениях общества под воздействием социальных наук и изменениях социальной стороны социальной науки, т.е. изменениях социальной стратификации, власти, собственности, идеологии.

Социология социальных наук разрабатывалась такими учеными, как Э. Гоулднер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Р. Мертон, Д. Прайс. В России это делали М.К. Петров, В.А. Ядов, В.Н. Садовский, В.М. Розин. Они первыми сумели установить основные социальные закономерности развития социального знания и указать на социологические принципы, которые необходимо применять при исследовании этих закономерностей. Ключевым инструментом исследования здесь, по мнению П. Бурдьё, должна стать *рефлексия*:

«Социальная история социальных наук — особая наука, которая отличается от всех остальных, чьей единственной целью является продвижение в изучении своего объекта, тем, что предполагает прогресс науки через развитие самого субъекта науки. Распространяя историческое и социологическое знание о прошлом и настоящем социологии на свою собственную институциональную составляющую, социальная история социальных наук предоставляет историку и социологу средство для изучения и познания его бессознательного, — того, что отложилось в его представлениях в процессе прошлого и настоящего опыта нахождения в рамках самой дисциплины. Это средство, по-новому мобилизуя все доступные научные ресурсы, помогает освоить все то, что история и общество сохранили в вещах и умах, и овладеть им с помощью объективации. Таким образом, вместо угрозы саморелятивизации, о которой столько говорили, социальные науки получают привилегию использовать собственные интеллектуальные инструменты как рефлексивные орудия, способные защитить их самих, — хотя бы частично, — от следствий изучаемых социальных причин» [2. С. 9].

Социология социальных наук, на наш взгляд, кардинально отличается от социологии естественных и технических наук. В последней влияние идеологического фактора (за исключением вечной борьбы между религией и наукой или периодов научного мракобесия, характерных, например, для сталинского СССР или фашистской Германии), как правило, сведено к минимуму. Напротив, социальные науки насквозь идеологичны. Социолог, изучающий социальные науки, всегда одновременно идеолог — против своей воли или в согласии с ней. Идеология всегда была важнейшей составляющей социальной науки. Вопрос об идеологии — один из важнейших в теории и методологии всякого социального знания. Его также можно считать существенным и лично для каждого социального ученого: ведь упрек в «идеологической заинтересованности» («идеологической пристрастности») и в том, что какая-либо конкретная теория конструируется ради подкрепления той или иной идеологии, — это тот упрек, с которым любому социальному ученому необходимо серьезно считаться.

Идеология — институт, связующий в одно звено социальную методологию и политику и потому требующий очень осторожного обращения. Здесь можно провести аналогию с каким-нибудь генетическим или экологическим экспериментом, последствия которого могут быть поистине взрывоопасны и непредсказуемы для множества людей. Ученый, исследующий этот институт, должен быть максимально объективен и беспристрастен и как можно более от него дистанцирован; говоря поперовском языке, это должно быть открытое и критическое исследование,

где принцип «подвергай все критике» должен быть распространен как на объект, так и на субъект этой критики. Главная цель здесь — истина, а не власть:

«Многим политикам хотелось бы, чтобы социальные науки выполняли апологетическую функцию, т.е. задним числом оправдывали уже предпринятые шаги — как верные, так и ошибочные. Всегда можно найти „ученых“, которые за приличное вознаграждение готовы поступать именно так. Однако все это не наука. Ученый должен в любом случае следовать собственным убеждениям и сохранять их как можно более полную независимость от политического влияния. Более того, он обязан соблюдать требования научной логики и проводить анализ как можно более объективно. В свою очередь, политик прежде всего заинтересован в раскрытии и удержании власти, поэтому он не заинтересован в раскрытии как собственных упущений, так и в упущениях со стороны своей партии. Его не радует критика в свой адрес» [7. С. 153].

Следовательно, всякий политик рассматривает социальные науки прежде всего как инструмент достижения политической власти. Естественные науки также ему важны, но не в плане идеологическом, а в плане создания, например, современного ядерного оружия. Иными словами, естественные науки скорее инструмент не идеологический, а силовой. Идеологическая функция всегда остается за социальными науками. Вот почему первая проблема, которая встает перед социологом, исследующим социальные науки, — это проблема взаимоотношения и взаимосвязи между социальными науками и идеологией, или — более конкретно — он ставит вопрос: как реализуют свою идеологическую функцию эти науки и какова роль идеологии в развитии социального знания в целом?

Помимо проблемы идеологии, исследовательское поле социологии социальных наук, по нашему мнению, должно слагаться из следующих ключевых вопросов:

- стратификация в социальных науках;
- власть в социальных науках;
- интеллектуальная собственность в социальных науках;
- девиантность в социальных науках;
- «открытая» и «закрытая» социальная наука;
- этнос и социальные науки;
- гендер и социальные науки;
- «сильная» и «слабая» социальная наука.

Сначала перед нами встают три ключевые для всякого социального института проблемы — **власть**, **стратификация** и **собственность**. Социальные науки как институт не являются исключением: в них распределение власти и собственности и слагающаяся на основе этого стратификационная модель имеют наиважнейшее значение для понимания развития всего мира социального знания. В отличие от естественных и технических наук материально-вещественная составляющая собственности здесь значит совсем немного. Социальному исследователю в подавляющем большинстве случаев не нужны дорогостоящие здания, лаборатории, инструменты для ведения исследований. Он прекрасно обходится небольшим числом книг и компьютером. Следовательно, на первый план здесь выходит интеллектуальная собственность и мы имеем как раз тот «чистый» случай, когда именно

накопление интеллектуальной собственности может сыграть роль фактора, объясняющего распределение и констелляцию престижей и статусов в социальных науках, а также то конечное место, которое исследователь занимает в формальной и неформальной иерархии социальных ученых (1).

Что же понимать под интеллектуальной собственностью в принципе? Естественно, ее нельзя трактовать в узко юридическом понимании авторского и патентного права. Она должна быть интерпретирована в широком смысле: как любое знание и информация, которой может распоряжаться ученый. Или чуть иначе: *интеллектуальная собственность ученого (научная интеллектуальная собственность)* — это собственность ученого на все знание и информацию, которым он может владеть, распоряжаться и пользоваться, включая идеи, вырабатываемые им лично как субъектом научного творчества. Такая собственность состоит из двух элементов: «общая» интеллектуальная собственность и «специфическая новооткрытая» интеллектуальная собственность (т.е. идеи, выработанные им лично). Именно накопление «специфической новооткрытой» интеллектуальной собственности имеет решающее значение для достижения социальным исследователем того или иного статуса в научной иерархии [5. С. 74—78].

«Очевидно только, что проблема формальной (а по существу и реально существующей) стратификации в науке должна рассматриваться как результат действия как минимум четырех факторов: 1) накопленной каждым ученым интеллектуальной собственности (в первую очередь специфической новооткрытой интеллектуальной собственности); 2) вознаграждений, им полученных: как научных, так и административных; 3) „социального капитала“ ученого в научном сообществе; 4) внешних по отношению к ученому и академическому миру воздействий („экстерналий“) — политических, финансовых, правовых и т.п. Лишь когда эти четыре фактора в должной мере учтены, реальная научная стратификация по *формальным статусам* может быть объяснена полностью» [5. С. 77—78].

На примере накопления учеными специфической новооткрытой интеллектуальной собственности нами, к примеру, был объяснен и «эффект Матфея»: «ученые готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают» [8. Р. 609]. Однако если уточнить, то эффект Матфея есть одна из форм *рассогласования* между неформальным и формальным статусом ученого: первый возникает на базисе аккумуляции интеллектуальной собственности исследователя (в основном специфической новооткрытой интеллектуальной собственности), а второй — на базисе накопления его вознаграждений. Когда между аккумуляцией интеллектуальной собственности и накоплением вознаграждений возникает несоответствие, тогда и возникает то состояние несоответствия между вкладом в науку и вознаграждениями, описанное Р. Мертоном: одни ученые получают больше вознаграждений, чем того заслуживает их интеллектуальная собственность, другие, наоборот, меньше. Любое несоответствие между формальным и неформальным статусом ученого в научном сообществе, между накопленной им интеллектуальной собственностью и вознаграждениями, полученными им в науке, с нашей точки зрения, в итоге и продуцирует явление, названное американским ученым «эффектом Матфея».

Проблема власти в социологии социальных наук требует, на наш взгляд, не менее серьезного обсуждения, чем проблема собственности или стратификации. Именно распределение властных полномочий, наличие тех или иных властных ресурсов может оказать большое влияние на приобретение ученым того или иного статуса в научном сообществе. Другое дело, что в основном речь должна идти о формальных статусах; неформальные статусы социальных ученых в их сообществах в значительной степени независимы от властвующих субъектов в сфере социальных наук. Государство и государственная бюрократия как основной властвующий субъект всегда в той или иной степени стремятся поставить социальные науки под свой контроль, навязать им свои идеологические пристрастия и вкусы, а также в некоторых случаях, используя метод кнута и пряника, требуют идеологических мифов для оправдания власти той или иной элиты (2).

Девиантность в социальных науках следует понимать как отклонение от общепринятых норм научного дискурса, введение в социальные науки элементов мифологического, идеологического, религиозного и обыденного знания. Целью социологии социальных наук является выяснение социальных причин возникновения девиантного (т.е. псевдонаучного) знания в социальных науках. Но что такое социальная псевдонаука и социальное псевдонаучное знание?

Социальная псевдонаука (в широком смысле) — это социальный институт, главной целью которого является воспроизводство ненаучных знаний об обществе посредством деструктивного разрушения подлинной социальной науки; конечной задачей здесь, очевидно, является замещение социально-научного знания ненаучным знанием об обществе.

Из данного определения хорошо видны два главных вектора, по которым работает социальная псевдонаука: во-первых, она стремится уничтожить, элиминировать подлинную социальную науку, а во-вторых, социальная псевдонаука страстно желает занять место этой науки в обществе, и в частности внедриться в систему образования. Для понимания сущности социальной псевдонауки можно ввести еще два понятия — «симулякр» и «псевдоинститут». Постмодернистский термин «симулякр» указывает на социальное значение имитации как важнейшей формы приспособления к реальностям современной эпохи, — эпохи, в которой имитируется все, что только можно сымитировать, — наука, власть, семья, государство, рынок и т.д. и т.п., а сами симулякры становятся заместителями и представителями тех реальных вещей и предметов, по образу и подобию которых они создавались. Не менее значимым для понимания сущности социальной псевдонауки является понятие «псевдоинститута» — института, лишь формально воспроизводящего какой-либо институциональный процесс, т.е. воспроизводящего его со стороны формы, вне всякого содержания. Социальная псевдонаука как раз и представляет собой нечто подобное: наука в ней лишь оболочка, внешняя форма, польный сосуд, в который «заливается вино» ненаучного знания. От самой науки как института воспроизводства объективного знания об обществе здесь, по сути, ничего не остается, кроме внешней оболочки. Классический пример социальной псевдонауки — это так называемая новая хронология А.Т. Фоменко. Эта новая хронология может также рассматриваться как образец третирования социально-гуманитарной мето-

дологии ученым-естественником, причем довольно видным (А.Т. Фоменко, как известно, является академиком РАН по отделению математики):

«Книги „новохронологов“ — не только демонстрация пренебрежительного отношения к методике ученых-гуманитариев, но и свидетельство подобного же восприятия их выводов и наблюдений частью широкой публики, прельщенной рекламой и самой возможностью опровергать результаты многовековых трудов ученых-гуманитариев, обратившись к методике негуманитарных наук, будто бы точной и в данном контексте» [1. С. 9].

Заметим, что задачи социологии социальных наук в отношении проблемы девиантности — это все же задачи не методологические, а задачи прояснения социальных корней псевдонаучного социального знания: какие именно институты рождают такое знание и в силу каких причин те или индивиды или группы становятся его творцами? Как мы склонны полагать, адекватного ответа социология здесь пока не имеет.

Понятия «открытая» и «закрытая» социальная наука мы интерпретируем приблизительно так же, как К. Поппер интерпретировал понятия «открытое общество» и «закрытое общество» [6]: «открытая наука» есть наука, в которой признаются права и свободы ученого и последнему дают возможность принимать независимые решения; здесь отсутствует политическое и экономическое давление, действуют принципы критического рационализма и «научной демократии»; интеллектуальная собственность ученого защищена законодательством и признана обществом легитимной. В противоположность этому «закрытая наука» в чем-то подобна «закрытому обществу»: ученому здесь не дают возможности принимать независимые решения, он подвергается различным формам давления, включая экономическое и политическое; в науке властвует «научная аристократия», в которую включены ученые с соответствующим формальным статусом, а мнение ученых, имеющих высокий неформальный статус, здесь никак не учитывается. Исследование принципов, позволяющих осуществлять переход от «закрытой науки» к «открытой науке», составляет, на наш взгляд, одну из важнейших задач социологии социальных наук. Наивно полагать, что для того, чтобы сменить «закрытую науку» на «открытую», достаточно, например, совершить переход от тоталитарного общества к обществу демократическому. Процесс вызревания демократии в науке идет всегда куда сложнее и труднее, чем в остальных институтах общества. В этом один из парадоксов науки как социального института: с одной стороны, наука сама по себе — институт вполне демократический, с другой — процесс становления демократии в науке, превращения науки из «закрытой» в «открытую» — весьма болезненный и темпы его здесь зачастую более медленные, чем в других социальных институтах — избирательной системе, образовании и т.п. Вероятно, следует предположить, что многое здесь зависит от культурных и национальных традиций той или иной страны, конкретного региона. Но самое главное препятствие — это сопротивление научной бюрократии, давление авторитета и традиции, губительной для всякого научного сообщества (3).

Проблема этноса и социальных наук отсылает нас к вопросу влияния этнического сознания непосредственно на сам процесс конструирования социаль-

ного знания. Проблема эта тонкая и деликатная, ибо, как показали в свое время еще неокантианцы и Макс Вебер, процесс включения ценностных суждений в дискурс науки (в том числе и связанных с национальной принадлежностью социального ученого) является неизбежным и даже в чем-то необходимым. Социальный ученый вне национальной принадлежности и национальных пристрастий — это скорее голая фикция, чем живая реальность. Естественно, что любой социальный исследователь так или иначе, сознательно или бессознательно стремится утвердить и укрепить позиции своего этноса в отношении других этносов. И в таких случаях всегда возникает соблазн заменить социальную науку социальной мифологией, а воздержаться от этого соблазна дело непростое. Правда, среди ученых, представляющих социальные дисциплины, этой болезни подвержены не все, а те, кто подвержены, подвержены в разной степени — в большей степени историки и культурологи, в меньшей степени или почти не подвержены — политологи, философы, юристы, экономисты, социологи. Исследовать феномен влияния национальной принадлежности и национального самосознания на процесс творения социального знания — также одна из задач социологии социальных наук. Здесь ей могут оказать помощь социальная психология, антропология, культурология.

Проблема гендера в социальных науках — это проблема выделения бинарной оппозиции «мужское—женское» в социальных науках. Насколько социальные науки могут быть «мужскими» и «женскими»? Может ли «мужское» и «женское», представленное в виде системы гендерных ценностей, накладывать отпечаток на конечный результат научной работы в социальных дисциплинах?

Самая интересная область для социологического анализа здесь — это так называемые гендерные исследования (gender studies) — область, в принципе, вполне равноправная с другими социальными дисциплинами. Но поскольку занимаются гендерными исследованиями в основном женщины (мужчины — скорее исключение, чем правило), то их теоретические результаты очень часто оказываются чем-то вроде «женской научной истины»: с одной стороны, вроде бы истина научная, а с другой — истина женская, которую ученый-мужчина или не признает вообще, или признает с большим скрипом. Например, для женщин-исследовательниц в этой сфере характерен навязчивый поиск гендерной дискриминации в любых отношениях типа «мужчина — женщина»; это как бы своеобразная *idée fixe* (идея фикс) всякой уважающей себя исследовательницы, и некоторые склонны видеть дискриминацию даже в самом факте разделения на мужчину и женщину или, например, в том, что только женщина вынашивает и рождает детей, — «тогда почему бы это не сделать мужчине?».

В чем же тогда мы видим задачу социологии социальных наук в отношении проблемы гендера? Да в том, чтобы гендерные исследования стали также объектом социологической рефлексии, а ученые (в том числе и женщины-ученые), которые этими исследованиями занимаются, перестали быть только субъектами социологических исследований, но попробовали себя и в роли объекта таких исследований. Возможно, тогда и вопрос о разделении научной истины на «женскую» и «мужскую» здесь больше уже не придется ставить...

И, наконец, ключевое значение в социологии социальных наук имеют понятия *«сильная» и «слабая» социальная наука*.

«Сильная» социальная наука (в стране или регионе) — это наука, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства социально-научного знания в целом. «Слабая» социальная наука (в стране или регионе) — это наука, представители которой находятся на положении аутсайдера в производстве научного знания в социальных науках. Представители «сильной» социальной науки являются ведущими в системе научного цитирования (в том числе за пределами страны или региона — во всем мире), их учебники и монографии переводят на другие языки, их приглашают читать лекции в зарубежных университетах, их высказывания являются авторитетными для представителей «слабой» социальной науки, и наконец их теории и концепции признаются за «истину» в социальных науках в целом. Представителей «слабой» социальной науки цитируют мало (в основном в пределах данного региона или страны) или не цитируют вообще, их учебники и монографии не представляют интереса для мирового научного сообщества, они выступают приглашающей стороной для ученых из региона «сильной» социальной науки. Исследователи, представляющие «слабую» социальную науку, или вообще не разрабатывают никаких теоретических концепций, ограничиваясь исключительно эмпирическими исследованиями, или их теоретические построения представляют интерес только для ученых из их региона или страны.

Понятия «сильная» социальная наука и «слабая» социальная наука могут также изначально связываться с силой и мощью данного конкретного государства, и в уме исследователя возникает следующая логическая цепочка: «сильное» государство → передовые технологии → «сильные» естественные науки → «сильная» социальная наука. Или же: «слабое государство → отсталые технологии → «слабые» естественные науки → «слабая» социальная наука. Тогда мы вполне можем задаться следующим вопросом (актуальным, кстати, и для России, поскольку из вышесказанного очевидно, что она обладает именно «слабой» социальной наукой (4)): может ли сильное в экономическом и политическом смысле государство иметь «слабую» социальную науку, и, наоборот, слабое в таком же смысле государство иметь «сильную» социальную науку? Если таковое возможно, то это значит, что не всегда политический и экономический уровень страны определяет силу и уровень развития социальных наук... и тогда даже отсталому и слабому в политическом и экономическом отношении государству под силу, используя определенные технологии, сделать свою «слабую» социальную науку «сильной».

Ответ на этот вопрос, вероятно, должен быть положительным. Действительно, на наш взгляд, не всегда существует тесная корреляция между уровнем развития страны и уровнем развития социальных наук в данной стране. Вполне может быть и такое, когда в передовом и развитом государстве социальная наука слаба — так было, например, в США в первой трети XX в. И, наоборот, отсталая в экономическом и политическом отношении Германия конца XVIII — начала XIX вв. дала социальным наукам передовые для своего времени моральные, правовые и политические концепции И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля.

Одна из ключевых задач социологии социальных наук как раз и сводится к тому, чтобы исследовать пути и способы (или, говоря иначе, технологии) превращения «слабой» социальной науки в «сильную». Какие механизмы здесь должны работать, насколько активным должно быть государство, если оно поставило себе целью иметь «сильные» социальные науки, или, наоборот, оно должно играть лишь роль «ночного сторожа» — на все эти вопросы должна ответить социология социальных наук. Наконец, можно поставить следующий вопрос: реально ли добиться усиления социальных дисциплин за счет внешних факторов воздействия?

Возьмем в качестве примера центральноазиатские государства. Под «внешними факторами воздействия» мы понимаем влияние на социальные науки программ зарубежных правительств, международных организаций и частных фондов: их воздействие в Центральной Азии стало сильно ощущаться с начала 1990-х гг. и теперь является весьма заметным фактором в поле социальных дисциплин. В этих государствах активно действуют такие международные организации, как Фонд Сороса (Фонд «Открытое общество»), Фонд Ага-хана, Фонд «Евразия» и т.п. Одной из целей этих фондов как раз и является продвижение в центральноазиатские социальные науки мировых стандартов знания; реализуется немалое количество программ, по многим из которых существует гранты и стипендии. Одной из задач такого «внешнего воздействия» как раз и была задача максимально «подтянуть» центральноазиатские социальные науки до общепринятых западных стандартов, для чего использовались вполне адекватные методы: открытие вузов, соответствующих этим стандартам, стажировки преподавателей и ученых региона в западных странах, гранты, специально ориентированные программы и т.п. Однако на деле продвижение в направлении этой цели оказалось относительно эффективным лишь в сфере образования, а вот в сфере науки ситуация оказалось намного запутаннее и сложнее. Наука, как выяснилось, куда меньше поддается подобному воздействию. Конструирование «сильной» социальной науки в любой стране — процесс, требующий не столько мощных внешних влияний, сколько внутренних ресурсов, поддержки государства и создания творческой атмосферы в среде социальных ученых (особенно молодых). В этом отношении обстановка в науке и образовании центральноазиатских государств оказалась более чем неблагоприятной: завышенные нормы учебной нагрузки для преподавателей, сильное бюрократическое давление, оказываемое на них сверху, продвижение вверх лишь лояльных преподавателей и ученых, безропотно выполняющих идеологический заказ правящей элиты, наконец, сама атмосфера подозрительности, продуцируемая авторитарными режимами (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан) играют роль тормозящих факторов, сдерживающих развитие социальной науки в этих государствах.

Отметим, что те же самые выводы можно отнести и к России, чьи социальные науки также испытали сильное «внешнее воздействие», — особенно в 1990-е гг. Но результат оказался тем же: наши социальные науки отнюдь не стали после того «сильнее», чем были раньше, и внутренних причин тому множество: слабая заинтересованность в этом государства (если вообще можно говорить о какой-либо заинтересованности), бюрократическая заторможенность, неповоротливость российской научной аристократии в сфере социальных наук, ее стремление

(вполне понятное исходя из «эффекта Матфея») законсервировать свои научные позиции; отраслевая замкнутость и подозрительность (это в то время, когда не менее половины научных открытий в социальных науках делается скорее не в рамках отдельных дисциплин, а на стыках между ними!). О каком продвижении России в направлении «сильной» социальной науки тогда вообще может идти речь? Удивительнее скорее другое: что нас вообще знают и о нас что-то слышат...

Итак, социология социальных наук имеет право на существование как особое направление в рамках социологии. Она должна ставить перед собой задачи и решать их. Смеем выразить надежду, что вклад здесь российских ученых окажется все же достойным уровня «сильной» социальной науки, а не останется их исключительно личным национальным достижением.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В естественных и технических дисциплинах даже самый талантливый исследователь, если у него не имеется соответствующих материальных инструментов исследования, не сможет, — именно в силу этого! — занять высокую нишу в рамках своей науки. Конечно, чистые теоретики, которым достаточно книг и компьютера, встречаются и здесь, но это уже, скорее, исключение, чем правило.
- (2) Например, в некоторых центральноазиатских республиках — Казахстане, Узбекистане и Туркменистане — сразу или постепенно бывшим партийным коммунистическим руководством были установлены авторитарные режимы. Эти режимы активно занялись поисками национальной идеологии и привлекли для этого конформистски настроенных ученых, с их помощью создавших мифологические версии национальной истории. Например, в Узбекистане эта идеология получила название «идеология национальной независимости», в учебные курсы вузов была введена и соответствующая дисциплина, сразу потеснившая и социологию, и философию, и политологию. Средневековая династия Тимуридов была провозглашена «пра-Узбекистаном», а сам Тимур — чуть ли не основателем узбекского государства — и только по той причине, что на некоторое время сделал Самарканд своей столицей. Еще более уродливые формы процесс создания «национальной истории» принял в Туркменистане, где произведение С. Ниязова «Рухнама» заместила собой все социальные науки в совокупности, включая и историю. Процесс вдалбливания «Рухнама» в сознание граждан Туркменистана можно сравнить разве что с вдалбливанием в умы советских граждан сталинского «Краткого курса ВКП(б)» в тридцатые годы прошлого столетия.
- (3) Здесь можно порекомендовать для чтения статью Марка Ноттурно [4].
- (4) Подтверждением может быть, к примеру, мировой индекс цитируемости российских социальных ученых; как правило, он в несколько раз ниже цитируемости российских физиков или химиков. Например, доля ссылок на публикации российских физиков в мировом измерении составляет 40,6%, на публикации химиков — 16,6%, а на публикации российских обществоведов — 0,18% [3. С. 487]. Комментарии, как говорится, излишни...

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анти-история, вычисленная математиками. — М., 2006.
- [2] Бурдые П. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации // Социология под вопросом. — М., 2005.
- [3] Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е. Библиометрические показатели российской науки в РАН (1997—2007) // Вестник РАН. — 2009. — № 6.

- [4] *Ноттурно М.* Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет и бюрократия // Вопросы философии. — 1997. — № 10.
- [5] *Орехов А.М.* Интеллектуальная собственность (опыт социально-философского и социально-теоретического исследования). — М., 2009.
- [6] *Поннер К.* Открытое общество и его враги. — М., 1992.
- [7] *Тамашии П.* Роль социальных наук в процессе трансформации стран Центральной и Восточной Европы // Международный журнал социальных наук. — 1996. — Т. 15 (ноябрь).
- [8] *Matthew R.* The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // ISIS. — 1988. — Vol. 79.

SOCIOLOGY OF SOCIAL SCIENCES: DEVELOPMENT OF A NEW LINE OF RESEARCH

A.M. Orekhov

Social Philosophy Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author discusses the problem of development of sociology of social sciences. He focuses his attention on such problems as power, stratification and intellectual property in social sciences. The problems of gender and ethnicity are of great significance for sociology of social sciences. A “strong” social science (in the country or region) is a science whose representatives occupy leading positions in the process of producing scientific knowledge of social processes as a whole. A “weak” social science is a science whose representatives are outsiders not participating in the production of scientific knowledge in social sciences. It is of great importance for Russia to make its “weak” social science “strong”.

Key words: sociology of social sciences; power, stratification and intellectual property in social sciences; problems of gender and ethnicity in social sciences; “strong” and “weak” social science; “Matthew Effect” in Science.